

Козаков Михаил
(архив)

14.8.02

РЕПЛИКА

И не был ли убийцею создатель Ватикана?

Из всех многочисленных нравственных тем, затронутых в маленькой пушкинской трагедии "Моцарт и Сальери", самая, вероятно, неактуальная у нас теперь тема совместности гения и злодейства. То, что последние совместны, ежедневно доказывается на практике. При этом сама дилемма прямо на глазах, за каких-нибудь пять-шесть лет пережила ряд эволюций, анализировать которые, право, нет охоты, — бесконечная усталость и легкая тошнота тому виной. От не столь давней публичной войны компроматов у простого российского обывателя осталось разве что чувство недоумения.

Кажется, это было еще вчера, когда в очередном предвыборном марафоне все сколько-нибудь известные государственные персоны оказывались вымазанными в грязи по самую макушку. И что? Удалось отмыться? Да вроде бы нет, но никто при этом не пострадал, и все как-то рассосалось. А "отважные" журналисты-разоблачители при этом с такой быстротой и легкостью меняли объект "полива", что сам факт очередного разоблачения в какой-то момент перестал восприниматься народонаселением всерьез. Компромат превратился в одну из многочисленных и вполне обыденных технологий. Ну, скажем, по уборке мусора. Экология от этого лучше не стала, но каким-то, по-прежнему неведомым обывателю, однако весьма конкретным особям были расчищены пути для конкретного проезда. В таком, уже совершенно виртуальном нравственном контексте попытка выдать компромат на самого себя выглядит и смешно, и печально. Очередное доказательство совместности гения и злодейства, да еще поданное в форме покаяния, вызывает разве что тяжелый вздох. Уже и культовое кино Абуладзе с одноименным названием осталось в эпохе, ушедшей безвозвратно. И с гениями стало проблематично. Да и злодейство, как посмотришь с холодным вниманием вокруг, выглядит не так уже и зловеще.

На излете лета замечательный артист Михаил Козаков с помощью журнала "Искусство кино" признается миру, что долгое время был агентом КГБ. В пляжно-дачный сезон, бедный на события и сенсации, Михаил Михайлович вдруг преподносит журналистам

такой сказочный подарок. Следует ряд интервью с актером, в которых последний утверждает, что освободился от мучительного нравственного груза. Что не боится ни плевков в свой адрес, ни насмешек. Вот и автор этих заметок хотела было снять телефонную трубку и напроситься на беседу. Хотела, да раздумала. Не оттого ли, что все, что можно и нельзя, уже спросено у Козакова, дважды менявшего исторические свои родины и, судя по всему, так и не обретшего ни там, ни тут душевного покоя? В своих двух замечательных книгах Михаил Козаков уже исповедался миру с предельной, казалось бы, откровенностью.

В модном фарватере мемуарного экзгибиционизма он занял свое весьма заметное место. Его книги выгодно отличаются от других многочисленных образцов по жанру не только ярким литературным талантом (не гением!), но и вполне отчетливыми нравственными ориентирами. Однако страницы, связанные с КГБ, туда не вошли. Они, оказывается, уже лет двадцать лежали в козакском столе и огнем жгли большое актерское сердце. Что же заставило Михаила Михайловича сообщить их на свет? Неужели соображения "пиара"? Неужто это игра ва-банк, попытка любой ценой восстановить свою тающую популярность? Такое толкование первым приходит в циничные журналистские головы, слишком хорошо знающие нынешний преискурант на рынке амбиций. Но риску предположить, что Михаила Козакова на столь ошеломительные признания подвигли все же иные, более тонкие материи. В изложенном им сюжете "я и КГБ" есть, право, что-то... чеховское, щемящее и, прошу прощения, очень смешное.

"Я, такой-то такой-то, по кличке такой-то, был завербован в 1956 г. службой КГБ, ее американским отделом, для помощи в борьбе с внешним врагом — американским империализмом. Конкретное задание я получил лишь в 1958 году. Я должен был войти в половые сношения с журналисткой (не помню какой американской газеты) по имени Колеетт Шварценбах... сам не знаю, для чего. Выполнить задание мне не удалось..."

Дорогой Михаил Михайлович! Вам, любящему и знающему рус-

скую литературу, как не вспомнить эту запись в чеховской записной книжке: "Некстати приключившаяся любовная история... мальчик пошел на свидание, обьевишись масляной краской..."!

Это вы, красавец и любимец образца 1956 года, да не смогли? Это вам, да не удалось? "Не верю", — как сказал бы основатель системы, по которой вы учились вашему несравненному актерскому мастерству. Но если все же поверить вам на слово, тогда становится понятным, почему, как вы пишете, "с тех пор никаких конкретных заданий мне не давали". Если уж вы провалили это, то агентом вы и впрямь оказались совершенно никудышным.

Все это, конечно, было бы смешно. Но если рассказанное принять на веру, можно сделать один весьма оптимистичный вывод: артист Михаил Козаков оказался непригоден к работе сексота не только нравственно, но и попросту биологически. Так стоило ли ему теперь "самого себя сдавать квартальному надзирателю" (опять Чехов! Опять его записные книжки!)?

Однако не дает покоя фраза, рефреном звучащая в его воспоминаниях: "Время торопит: скоро третий звонок". Вот, думаю, в чем причина исповеди. Страх, въевшийся в поры советского интеллигента, тот самый страх, что заставлял раньше вступать в постыдные соглашения и подписывать позорные бумаги, теперь вызывает к покаю. Артист спешит признаться в том, что может впоследствии пролиться ушатом грязи на его многочисленных потомков. Ему кажется, что он точно оценивает нынешнюю систему нравственных координат. Но на самом деле он и в этой системе остается редким биологически чистым продуктом. Михаил Михайлович, оглянитесь вокруг! Разве так нынче выдают компромат? Разве такие откровения "поднимают ввысь" общественное сознание? Оно, это сознание, ей-Богу, простит вам неудавшуюся половую связь с американской журналисткой. Оно и не такое прощало. Ему, общественному сознанию, по большому счету, уже и не разобрать, где он, подлинный текущий момент, а где "момент истины" Андрея Караулова.

Наталья КАМИНСКАЯ

Рубль тура. — 2002 — 8-14 авг. — с.3